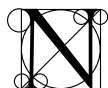

Даниэла
Тим

Игра
в БОЛЬШИНСТВЕ

ACT
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 80

Серия «Даниэла»

Danielle Steel
POWER PLAY

Перевод с английского *О. А. Болятко*

Компьютерный дизайн *А. А. Кудрявцева, А. Б. Ткаченко*

Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Стил, Даниэла.

С 80   **Игра в большинстве** : [роман] / Даниэла Стил ; [пер. с англ. О. А. Болятко]. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Даниэла).

ISBN 978-5-17-084760-0

Власть, могущество, превосходство — вот основа успеха.

Сила, решительность, бесстрашие — три качества, при помощи которых восходят на вершину этого успеха.

Фиона Карсон и Маршалл Уэстон оба достигли вершины. Но если Фиона, одинокая женщина с двумя детьми, не задумываясь, жертвует женским счастьем ради работы и материнства, то Маршалл буквально наслаждается жизнью, балансируя на грани грандиозного скандала. Казалось бы, они совершенно разные. Однако вездесущая пресса, только и ждет удобного момента, чтобы запустить когти в личную жизнь не только легкомысленного Маршалла, но и безупречной Фионы...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Danielle Steel, 2014

© Перевод. О. А. Болятко, 2014

ISBN 978-5-17-084760-0

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Моим любимым детям Беатрикс, Тревору, Тодду, Нику, Сэму, Виктории, Ванессе, Максу и Заре

Пусть жизнь преподносит вам только приятные сюрпризы; пусть окружающие будут добры и честны с вами, а если придется делать выбор — пусть он будет правильным.

Благослови вас Бог, и пусть ваша жизнь будет счастливой.

Я люблю вас всем сердцем.

Мама

Глава 1

Фиона Карсон вышла из своего кабинета с большим запасом времени, чтобы вовремя прийти на важное собрание совета директоров. Она была одета в деловой костюм, светлые волосы убраны назад, на лице — минимум косметики. Фиона была генеральным директором одной из самых крупных и наиболее успешных корпораций в стране. Она ненавидела опаздывать, и с ней этого почти никогда не случалось. Для тех, кто не знал ее, и для многих, кто знал, она выглядела как женщина, полностью владеющая обстановкой и способная справиться, казалось, с любой кризисной ситуацией. И какие бы личные проблемы ее ни волновали, было немислимо даже подумать, что это может помешать ее работе.

Когда Фиона подходила к залу заседаний, зазвонил ее мобильный телефон. Она хотела было не отвечать на звонок, но потом решила проверить, кто это, на всякий случай, и вынула телефон из кармана. Звонила Элис, ее дочь, которая в настоящее время училась на втором курсе в Стэнфорде. Фиона поколебалась и решила ответить на звонок. У нее оставалось немного времени. Собрание совета директоров должно было начаться через несколько минут, но, будучи матерью-одиночкой, она всегда волновалась, когда не удавалось отвечать на звонки детей. Вдруг это тот самый случай, когда произошло что-то серьезное? Элис всегда была хорошей девочкой и относилась к жизни ответственно, как взрослая, но... что, если с ней произошел несчастный случай... она заболела... или находится в приемном покое госпиталя... или проблемы в институ-

те... или ее собаку переехала машина (однажды такое уже случилось, и Элис была безутешна много месяцев). Фиона никогда не могла игнорировать телефонные звонки, если звонил кто-то из ее детей. Она всегда считала, что одна из обязанностей родителей — быть доступным в любую минуту. То же самое она испытывала по отношению к работе. Если происходило что-то важное, она рассчитывала, что ей позвонят в любое время, где бы она ни находилась. Фиона всегда была в пределах доступа и для компании, и для своих детей.

— Мам? — Таким голосом Элис говорила только в важных случаях.

Отличная оценка или убийственно плохая? Что-то серьезное на приеме у врача — например, положительный тест на мононуклеоз? Фиона чувствовала: произошло что-то важное, — и была рада, что ответила на звонок, лишь надеялась, что ничего страшного не случилось:

— Да. В чем дело? — Она говорила почти шепотом, чтобы никто не слышал, как она беседует на личные темы. — Надеюсь, ничего страшного не случилось?

— Конечно, нет, — с недовольством ответила Элис. — С чего ты взяла?

Ей никогда и в голову не приходило, что означает быть матерью, сколько с этим связано волнений, сколько воображаемых несчастных случаев. Это было частью работы Фионы — беспокоиться о таких вещах и быть всегда наготове прийти на помощь, как Красный Крест или пожарная команда. Быть матерью — это что-то вроде пожизненной работы в аварийно-спасательной службе.

— Где ты? Почему ты так разговариваешь?

Элис едва ее слышала, и, как всегда, ее бесило, что мать говорит по телефону шепотом.

— Я иду на собрание совета директоров, — все так же шепотом ответила Фиона. — Тебе что-то нужно?

— Мне ничего не нужно. Я просто хотела попросить тебя кое о чем.

Казалось, Элис слегка обиделась на то, как мать отреагировала на ее звонок. Что ж, начало было не слишком удачным, и Фиону удивило, что дочь просто не отправила ей сообщение, как делала обычно. Она знала, как мать занята на работе весь день. Но Фиона всегда давала понять, что дети для нее гораздо важнее, поэтому они не стеснялись звонить ей даже во время рабочего дня. И так, Фиона предположила, что Элис хочет сообщить ей нечто важное. Им было известно правило: «Когда я на работе, не звоните, если в этом действительно нет необходимости». Лишь когда были помладше, дети звонили ей, потому что у них что-то болело или они просто соскучились. Она никогда не ругала их за эти звонки — ни Элис, ни Марка.

— Ну так проси, — сказала Фиона, стараясь скрыть нетерпение. — Я должна быть на собрании через пару секунд. Я уже практически на месте.

— Сделай мне одолжение.

Судя по интонации, началу разговора и несвоевременности звонка, одолжение было немаленьким.

— Какое?

— Можно я позаимствую твою черную юбку от Живанши с разрезом на боку? У меня очень важное мероприятие сегодня вечером.

Элис произнесла это таким тоном, словно от ответа матери зависело ее дальнейшее будущее.

— И ты звонишь мне ради этого? Нельзя ли было подождать до вечера? — Теперь уже Фиона была раздражена. — Я даже ни разу не надевала ее.

Ей редко удавалось первой надеть обновку. Либо Элис «заимствовала» ее, либо эта вещь просто исчезала бесследно, оставляя в платяном шкафу лишь смутную память о себе. И это случалось все чаще и чаще. Они носили один размер, и Элис стала проявлять интерес к более изысканным туалетам.

— Я не собираюсь заниматься в ней легкой атлетикой. Верну в воскресенье.

Какого года? Понятие Элис о времени возвращения одолженных вещей было весьма туманным.

Фиона хотела вступить с ней в спор, но у нее не оставалось времени.

— Хорошо. Мы сможем поговорить об этом вечером, когда я вернусь домой.

— Но мне нужно знать сейчас, или придется идти по магазинам. Мне нечего надеть.

Разговор затягивался, а время не ждало.

— Хорошо. Бери ее. Поговорим вечером.

— Мам, подожди... Мне необходимо поговорить с тобой о моем реферате по экономике. Его нужно сдавать в понедельник, а профессору не нравится моя тема, и я хотела...

— Элис, я не могу говорить об этом сейчас. Позже. Я занята. Это слишком важная тема, чтобы уделить ей две секунды.

В ее голосе прозвучало раздражение, и Элис обиделась.

— Ладно, я поняла. Но ты всегда жалуешься, что я не обсуждаю свои рефераты с тобой, а профессор сказал...

— Только не в середине рабочего дня перед собранием совета директоров. Я очень рада, что ты хочешь обсудить это со мной, но просто не могу сделать это сейчас.

Она уже достигла дверей зала заседаний, и пора было заканчивать разговор.

— А когда сможешь?

В голосе Элис прозвучали капризные нотки, словно она хотела напомнить, что у матери вечно нет времени, но это было нечестно: Фиона пыталась посвящать детям каждую свободную минуту, и Элис хорошо это знала.

— Вечером. Мы поговорим сегодня вечером. Я позволю тебе.

— Вечером я не могу: иду в кино с моей группой, а перед этим мы ужинаем во французском ресторане. Это как бы продолжение занятий.

— Позвони мне после этого, — сказала Фиона, в отчаянии пытаясь закончить разговор.

— Я заберу юбку в субботу. Спасибо, мам.

— Пожалуйста, — с кислой улыбкой ответила Фиона.

Они всегда словно устраивали ей проверки, особенно Элис. Она пыталась убедить, что мать действительно обращает на нее внимание. А Фионе и правда была интересна жизнь дочери. Но Элис все равно устраивала проверки. Она просто не могла удержаться. «Да, я обращаю на вас внимание», — подумала Фиона, надеясь, что Элис не позвонит снова, чтобы попросить черный свитер, который шел в комплекте с юбкой.

— Я люблю тебя. Удачного вечера.

— И я тебя люблю. Удачи на совете директоров. Извини, что побеспокоила, — бросила Элис и повесила трубку.

Фиона отключила звук у телефона и положила его в карман пиджака. Теперь пора было приниматься за работу. Никаких разговоров о заимствовании новой, ни разу не надеванной юбки. Такова реальная жизнь современного генерального директора и матери-одиночки.

Фиона приняла серьезный вид, вошла в зал заседаний ПНТ — компании «Продвижение национальных технологий» — и улыбнулась восседавшим за длинным овальным столом в ожидании остальных членов совета директоров. Всего их было десять — восемь мужчин и две женщины, в основном главы корпораций, но были и те, кто занимал должности пониже. Половина членов совета уже собрались, и все ждали Фиону, председателя совета директоров, и еще четверых членов. В свои сорок девять Фиона занимала пост генерального директора ПНТ уже шесть лет, которым предшествовала выдающаяся работа. Она сменила предшественника, который проработал на этом посту слишком долго и придерживался старомодных взглядов, избегая всяческих рисков, что привело к снижению стоимости акций компании. Кандидатуру Фионы долго рассматривали представители специальной комиссии, и в конце концов ее переманили с важной и ответственной работы.

Она приняла дела спокойно, вдумчиво, была проницательна в своих оценках и решительна в планах. Она выступала против сомнительных рисков и все тщательно продумывала, так что долговременные и краткосрочные цели компании были выстроены и выполнены блестяще. В результате спустя несколько месяцев их акции стремительно взлетели, несмотря на общую сложную экономическую обстановку. И руководство, и акционеры любили ее, сотрудники относились к ней с уважением. Их доходы продолжали расти. При необходимости Фиона могла быть безжалостной, но все, что делала, тщательно продумывала и аккуратно выполняла. Фиона Карсон заслуженно считалась настоящей звездой в течение всей своей карьеры. Она обладала поразительным чутьем в деловых вопросах и была одной из самых успешных женщин в стране, возглавляла одну из крупнейших корпораций в американском бизнесе и имела в подчинении сотню тысяч сотрудников.

Фиона спокойно беседовала с членами совета, по мере того как они заполняли зал заседаний. До начала собрания оставалось еще десять минут. Она обычно приходила заранее, чтобы иметь возможность поговорить с коллегами. Председатель совета директоров, Хардинг Уильямс, обычно приходил к самому началу совещания. Он сделал выдающуюся карьеру в бизнесе, хотя и не такую блестящую, как Фиона. Большую часть своей карьеры он возглавлял крупную корпорацию — правда, не такую большую, как ПНТ, — и управлял ею как диктатор — так было принято в дни его молодости. Сейчас все изменилось, что Фиона и пыталась объяснить ему, когда он хотел устроить obstruction, основываясь на своих собственных мнениях и капризах. Фиона строго придерживалась правил корпоративного управления и полагала, что входящие в состав ПНТ корпорации и люди, управляющие ими, должны эти правила уважать. Фиона также ожидала этого от членов совета директоров. Все это вызывало разногласия между Хардингом и Фионой почти на каждом собрании. Фиона доброжелательно говорила, что они ведут себя как родите-

ли, которые хотят лучшего для своих детей, и их прямо противоположные точки зрения часто идут на пользу ПНТ, когда они приходят к компромиссу. Но все это заканчивалось для Фионы страшной головной болью и демонстрацией худшего, что было в них обоих. Она уважала Хардинга Уильямса как председателя и человека с большим опытом, но всем было очевидно, что она не выносит его как личность, а он ее просто ненавидит. Он не делал из этого секрета, часто высказывая ничем не обоснованные уничижительные замечания в ее адрес, в то время как она была неизменно дипломатична, уважительна и тактична, чего бы ей это ни стоило. Он задевал ее резкими выпадами, как в лицо, так и за ее спиной, но она никогда не подавала вида, что ее это трогает. Она была профессионалом до мозга костей. Помощница неизменно оставляла на столе Фионы две таблетки обезболивающего и стакан воды всякий раз после собрания совета директоров, и сегодня будет то же самое.

Фиона созвала это экстренное собрание для обсуждения одной из проблем. Хардинг утверждал, что устраивать собрание на эту тему нелепо, и жаловался, зачем он вообще пришел. Он ушел на пенсию пять лет назад, но был еще влиятельным председателем совета директоров, причем не одного. Он будет вынужден освободить кресло председателя в ПНТ в конце года, когда ему исполнится семьдесят, если только члены совета не проголосуют за то, чтобы нарушить правило о возрастном ограничении. Пока никто не выступил с этой идеей. Фиона надеялась, что он уйдет в конце года, через семь месяцев. А до тех пор придется конструктивно сотрудничать. Это стоило значительных усилий с ее стороны в течение всех шести лет, с тех пор как она возглавила ПНТ.

И все эти шесть лет, с момента своего прихода, она знала, что Хардинг Уильямс говорил о ней как о женщине легкого поведения и называл стервой. Он работал в ПНТ в совете директоров задолго до ее прихода. Их пути пересекались и раньше, в ее молодости, в бизнес-школе Гар-

варда, где он преподавал, когда она была первокурсницей. Он уже тогда составил свое мнение о ней и больше никогда его не менял.

Фиона могла бы быть очень красивой женщиной, приложи она немного усилий, чего предпочитала не делать. Она не теряла времени на размышления о том, находят ли ее привлекательной мужчины, с которыми работала. Ее единственным интересом было успешное управление компанией и сотней тысяч служащих. Она очень давно придерживалась делового стиля, принятого в корпоративном мире. Она была высокой и худощавой, с хорошей фигурой, длинными светлыми волосами, убранными в аккуратный пучок, и большими зелеными глазами. Она не носила никаких украшений. Руки ее были безукоризненно ухожены, ногти покрыты бесцветным лаком. Она была воплощением успешной, влиятельной женщины-руководителя, правящей железной рукой в бархатной перчатке. Как сильная женщина, она не злоупотребляла властью, но всегда была готова принять непростое решение, как и критику, и проблемы, которые вытекали из этого решения. Никто никогда не видел ее переживаний, страха, если что-нибудь пойдет не так, огорчений, когда приходилось закрывать какой-нибудь завод и тысячи людей лишались работы. Она проводила из-за этого немало бессонных ночей, но на работе всегда выглядела спокойной, сдержанной, решительной, участливой и вежливой. Ей были не чужды маленькие слабости, но на работе она их тщательно скрывала. Она не могла позволить, чтобы они стали известны, — это было слишком опасно в ее положении. Она должна была быть уверенным в себе лидером и помнить об этом все время.

Фиона подождала, пока все члены совета директоров займут свои места, и Хардинг Уильямс открыл собрание, после чего повернулся к ней с саркастической ухмылкой, которую она проигнорировала.

— Мы собрались здесь по твоей инициативе, Фиона. Говори же, чего ты хочешь, и я надеюсь, что причина ока-

жется достаточно важной, чтобы отрывать людей от дел на какие-то незапланированные собрания. Я не понимаю, почему ты не могла просто разослать нам информационное письмо. У меня есть более важные дела, чем прибегать сюда всякий раз, когда у тебя появляется новая идея, и я уверен, что мои коллеги согласны со мной.

У нее тоже было немало важных дел, имелась и важная причина собрать их, и Хардинг прекрасно знал об этом. Он просто издевается над ней, как обычно. В его присутствии она чувствовала себя студенткой, которая провалила экзамен. И пусть это не соответствовало истине, она не подавала виду.

За прошедшие годы Хардинг не раз высказывался, что женщины не должны руководить крупными корпорациями, потому что не способны к этому, и был уверен, что Фиона не является исключением. Он ненавидел саму ситуацию, что женщины стали занимать важные, влиятельные позиции, — это всегда раздражало его. Он был женат уже сорок четыре года на женщине, которая закончила колледж Вассар, получила степень магистра по истории искусств в Редклиффе и никогда не работала. Детей у них не было, и Марджори Уильямс всегда жила в тени своего мужа, полностью подчиняясь всем его требованиям. Это устраивало Хардинга во всех отношениях, и он всегда кичился длительностью их брака, особенно когда слышал о чем-нибудь разводе. Хардинг не отличался скромностью и тактом, и многие не любили его за высокомерие. Фиона возглавляла этот список.

— Я собрала вас сегодня, потому что хочу обсудить последний случай утечки информации в прессу, — начала она негромко, выпрямившись в кресле. Несмотря на спокойный голос, она умела захватить внимание аудитории и заставить всех прислушиваться к самым новаторским предложениям. Все знали об этой утечке и были обеспокоены. — Я думаю, мы все согласимся с тем, что это ставит нас в неловкое положение. Закрытие завода в Ларксбери отразится на судьбах тысяч наших сотрудников, которых

мы вынуждены будем уволить. Мы должны были проинформировать об этом с крайней осторожностью. То, как мы сделаем это заявление и как будем реагировать на последствия, может иметь важный негативный эффект на стоимость наших акций и даже вызвать панику на бирже. И безусловно, как мы и проголосовали на прошлом собрании, делать это заявление для публики, для наших акционеров или служащих пока еще рано. Теперь нам нужно время, чтобы исправить ситуацию, и я работала над этим беспрестанно с нашего прошлого собрания. Мне кажется, у нас есть неплохие шансы хотя бы немного смягчить удар. Мы вынуждены будем закрыть этот завод для блага компании, но меньше всего нам всем хотелось бы, чтобы сведения об этом просочились в прессу до того, как мы обсудим все детали. А как вы знаете, информация появилась две недели назад в «Уолл-стрит джорнал», а затем в «Нью-Йорк таймс». С этого момента я не занималась ничем, кроме этой проблемы. И уверена, все вы согласитесь со мной, что самое главное в этом деле не преждевременность появления информации, а то, что утечка произошла от нас. Информация, появившаяся в прессе, известна только тем, кто сейчас сидит в этом зале. Некоторые детали даже не были зафиксированы письменно. Пресса ни о чем не узнала бы, если бы кто-то не проговорился.

Повисло тяжелое молчание. Фиона переводила серьезный, оценивающий взгляд с одного на другого, не пропуская никого.

— Немыслимо, что это случилось у нас, — сказала она. — Это произошло в первый раз за те шесть лет, что я работаю в ПНТ, и вообще за всю мою карьеру. Я знаю, что такие вещи случаются, но для меня это впервые, как, возможно, и для многих из вас.

Она снова обвела взглядом собравшихся, и все кивнули. Никто не выглядел виноватым, а Хардинг казался сильно раздраженным, словно Фиона зря тратила их время, хотя все понимали, что это не так. Было очевидно, что кто-то из членов совета директоров допустил утечку ин-

формации, и она была намерена выяснить, кто именно. Она хотела узнать это как можно скорее, чтобы вывести провинившегося из состава совета. Проступок был слишком тяжелым, чтобы отнестись к происшедшему легко или проигнорировать его.

— Я полагаю, мы все имеем право знать, кто нарушил конфиденциальность, но пока вы все отрицаете свою причастность. Этого недостаточно, — сурово произнесла она, и в ее зеленых глазах вспыхнул огонек. — Слишком многое поставлено на карту: благополучие компании, стабильность акций. Мы несем ответственность перед акционерами и нашими сотрудниками. Я хочу знать, кто общался с прессой, и полагаю, что вы тоже этого хотите.

Все кивнули, а Хардинг принял скучающий вид и грубо бросил:

— Переходи к делу, Фиона. Что ты предлагаешь? Детектор лжи? Прекрасно, можешь начать прямо с меня. Давайте заканчивать с этим, и без нелепой суеты. Была утечка, мы, похоже, пережили это, возможно, и служащие, которых мы планируем уволить, и общественность восприняли это как предупреждение. Я не говорю, что то, что случилось, хорошо, но, может быть, все не так уж и плохо.

— Я не согласна с вами. И думаю, что очень важно знать, кто является виновником, чтобы впредь такого больше не произошло.

— Отлично. Можешь начинать свою охоту на ведьм, но предупреждаю, что буду возражать против всех противоправных мер. Мы все помним, что произошло в «Хьюлетт-Паккард» несколько лет назад по такому же поводу. Это чуть не разорило компанию, сделало посмешищем совет директоров в прессе, а сами члены совета и не подозревали, что расследование происходило с применением незаконных методов. А когда все выплыло наружу, председатель чуть не угодил за решетку. Я предупреждаю тебя, Фиона, что не собираюсь оказаться в тюрьме из-за твоей охоты. Можешь провести расследование, но каждая процедура должна быть совершенно законной и честной.